

Через неделю Роман едва помнил Нэнти. У него было достаточно забот - путь сузился, холод все усиливался, а снежные ураганы бушевали почти каждый день. Монги гибли как мухи, и ненасытная пропасть ежедневно пожирала все новые и новые жертвы.

С Садой Роман провел только одну ночь; они любили друг друга до изнеможения, не закрывая глаз. Когда он повернулся, чтобы уйти, женщина прильнула к нему, и Роман заметил слезы, висящие на ее ресницах.

Запасы продовольствия и топлива подошли к концу. Лошади были изгнаны из основного стада в лагерь для убоя. Одно из бедных созданий пришло в бешенство от запаха крови и прыгнуло в пропасть, таща за собой трех пастухов.

Однако, несмотря на холод, голод и смерть, Монги преодолели почти недоступный перевал высоко в горах. С этого момента они начали двигаться вниз, ветер немного ослаб, снежные бури стихли.

Гилев ненадолго задержался на самой высокой точке перевала, он хотел увидеть вид с высоты. Перед ним простиралась безжизненная ледяная пустыня. Везде только замерзшие зубчатые валуны. И так, километр за километром, припорошенные снегом, бессмысленные кучи гранита и базальта, уродливые темно-серые пятна на чистом белом фоне снега. Да, это было совсем не то, что зеленые нефритовые горы, ласкающие глаза! Перейдя через хребет, Роман начал лучше понимать монгов - эти люди не были жестокими, они просто выглядели как их земля, суровая и безрадостная. Армия никогда не останавливалась. Преодолевая перевал, колонна телег и всадников начала медленно, но неизбежно скатываться вниз, как грязный, волнообразный поток грязи. Лошади заскакали быстрее, у людей тоже поднялось настроение. И разведчик вместе со всеми был рад, что самая опасная часть дороги уже позади.

Он пошел на открытое место, чтобы посмотреть на караван сверху. Слева от него бурлило море темных голов лошадей - стада еще должны были пересечь перевал; справа шествие деревянных фургонов катилось по постоянно расширяющейся дороге.

Морфо пролетел мимо Романа, скача на пони - вероятно, снова отправился навестить Нэнти. Он не показал, что заметил друга, но когда он поравнялся с конем Гилева, слегка кивнул. Так что с Нэнти все хорошо.

Еще три дня, и караван покинул предгорья, выехав на равнину, пустынную, засыпанную желтым песком. Здесь колонна остановилась в первый раз, пришло время сделать перерыв и подсчитать потери, и в то же время дождаться сильно отставшее стадо. Ткань, покрывающая повозки, превратилась в палатки, и в пустыне, словно по волшебству, вырос внушительный город.

Роман снова был с Садой. Принцесса все еще ничего не говорила о своих планах, но относилась к нему почти с нежностью.

-Ты все узнаешь в свое время, - прошептала она ночью. - В свое время ...

Гилев старался избегать встреч с гномом; Рустам, в свою очередь, избегал встречи с ним. Хан оставался спокойным, собранным, уверенным в себе, без тени безумия. Что касается воинов, то они, к удивлению разведчика, попав в совершенно незнакомую страну, ни на йоту не изменили привычной рутины.

Роман часто болтал с Бейбером, который таскался за ним по лагерю на маленькой каталке. Свои обязанности как личного раба, он выполнял с неожиданным энтузиазмом; Видимо, это его

развлекало. Монгам было очень весело, глядеть на странного безногого слугу.

Роман продолжал скрываться и ждать. Ждать сигнала от кого-то из троих заговорщиков - Рустама, Морфо или Сады. Казалось, что все их гениальные замыслы висят в воздухе, и было совершенно ясно, что это не может продолжаться долго - рано или поздно разразится гром. Временами Роман чувствовал себя как канатоходец, балансирующий на тонкой нити над бездонной пропастью. Он был почти свободен. Почти! Но ошейник все еще стягивал шею и раздражал все больше и больше.

В течение следующей недели Монги окончательно оправились от ужасного перехода через горы. Воеводы считали погибших - почти тысяча.

Бейбер, ухмыляясь, заметил, что теперь Монги будут компенсировать сокращение населения. Воины, жаждущие своих женщин, почти не выходили из черных палаток.

-Они делают маленьких ублюдков, - жаловался Бейбер, - которые должны будут всю свою жизнь, собирать конский навоз. В перерывах они будут грабить соседние народы. Мы, Кауки, никогда не поступаем так с нашими детьми.

Той ночью Сада сказала Роману, что носит его ребенка. Она погладила его по щеке, и разведчик понял, что принцесса едва сдерживает слезы. Странно. Раньше он не мог представить, что Сада умеет плакать.

-Никому ни слова, - предупредила она, - пока наши планы не будут выполнены. Тогда я дам тебе свободу.

Роман, напавал сраженный этой новостью, едва смог выдавить:

-Это твой секрет, о котором ты хотела мне рассказать?

-Только часть. Лучшая часть того что тебе предстоит услышать.

Он даже не сказал Бейберу. Ребенок у Сады! Маленький полу-монг, полу-россиянин! Роман обнаружил, что всем сердцем желает, чтобы Сада ошибался в своих подозрениях.

Вскоре Хан отправил три разведывательные группы - на юг, север и восток. Через пару дней северные и южные патрули вернулись, а восточные не появились даже через неделю. Посоветовавшись со своими полевыми командирами. Хан приказал, чтобы палатки собрали и выдвинулись на восток. Постепенно они входили в необъятную степь, заросшую густой травой. Изредка встречались чахлые группы деревьев, но главное - трава, она очень понравилась лошадям и пони. Рабы во главе с пастухами собирали сено и загружали его в повозки. По мере продвижения вперед степь неуклонно снижалась, и однажды восточный ветер принес незнакомый соленый аромат. Вернее, незнакомый всем, кроме Романа. Он счастливо вдохнул запах. Соленая вода! Итак, они почти достигли моря!

На следующий день разведчики привели с собой заключенного. Роман с интересом посмотрел на человека, запертого в кольцо воинов. Его руки были связаны за спиной, ноги под животом лошади тоже стянуты кожаными ремнями. Мужчина явно выглядел как катанец: его борода не росла, а кожа была светлой. Разведчик, однако, заметил некоторые отличия от жителей северных провинций, с которыми он имел дело раньше. Догадаться о статусе пленника было несложно - он носил золоченые доспехи со знаком луны, а на плече свисал наполовину связанный пучок серебряных нитей. Видимо, он был офицером довольно высокого ранга.

Следующей ночью Сада рассказал ему все об этом несчастном воине.

- Они называют себя прибрежными катаяцами. Заключенный был очень высокомерен и много чего наболтал – правда, ничего важного. Вероятно, он считает себя большим хитрым парнем, - нахмурилась она, - как и все жители Ката!

Роман изобразил скуку на лице:

- А где он попался?

- Через три дня на восток лежит небольшая цветущая долина. Вход охраняет крепость. Разведчики захватили ее и вырезали весь гарнизон, а командира доставили в лагерь живым.

- Что будет с ним теперь? - Гилев зевнул.

- Казнят, конечно. - Сада вздрогнула. - Никогда не зевай в моем присутствии! Если тебе скучно со мной, ты можешь пойти повеселиться в другом месте!

Роман посмотрел на нее с удивлением и сразу же начал упрекать себя в этой непростительной ошибке. Маска любящей и нежной женщины слетела с лица Сады; и она стала той же кровожадной дикаркой, которая могла убить по своей прихоти.

- Ну, что ты, - он попытался исправить ситуацию, - разве мне бывает скучно с моей любимой девочкой?

Не сработало; она продолжала хмуриться.

Роман улынулся и сделал еще одну попытку, нежно целуя ее надутые губы:

- Слушай, мое сердце, я просто устал и хочу спать. Ночь с тобой кажется раем, но я должен работать весь день. А потом ... - он наклонился и прижал ухо к плоскому животу Сады, - я постоянно думаю о нашем ребенке, нашем принце ... или очаровательной маленькой принцессе.

Сначала Роману показалось, что он немного переиграл. Но напряженное, сердитое лицо расслабилось, и Сада сладко улынулась. В конце концов, она была всего лишь женщиной, и он сказал именно то, что она хотела услышать. Сада прильнула к нему, и Роман, немного потный от страха, заключил в объятия свою маленькую кошечку, которая почти превратилась в кровожадную тигрицу.

На следующее утро заключенный был повешен. Выпытав всю необходимую информацию, палачи не спеша вскрыли его вены, подтянули ноги на кол и пошли спать. Катаец захлебнулся собственной кровью.

Три дня спустя армия достигла небольшой крепости, где ее встретили несколько разведчиков из передового отряда. Гилев не переставал удивляться самодовольной глупости местных Катанцев. Он ждал, что они отобьют форт, и армию Монгов встретит большой гарнизон, которые засядут за стенами, который сбросит разрубленные тела разведчиков, на головы атакующих.

Однако цветущая долина была совершенно пустой. На ветвях высоких деревьев и в зарослях пышных заросших кустов прятались только птицы с ярким оперением. Монги кривили губы, с

отвращением вдыхая соленый воздух. Эта страна была слишком красочной, слишком мягкой и гостеприимной для суровых обитателей степей. Их уши не привыкли к райскому пению птиц.

Еще один небольшой подъем, и перед ними открылось море - лениво покачиваясь, сапфировая бездна, погрязшая в крутом изгибе золотого пляжа, где маленькие волны с тихим шелестом плескались по мокрому песку.

Хан остановил свою лошадь на вершине склона, с которого начался спуск к воде, и нетерпеливо махнул рукой. Военачальники выкрикивали приказы, и вся длинная колонна повозок и всадников остановилась на месте. Согнувшись в седле, Всемогуций одним глазом уставился на картину, раскинувшуюся перед ним.

Гилев тоже смотрел на то, что было у него перед глазами. Да, теперь понятно, почему Катанцы не удосужились вернуть себе форт. В таком великолепно укрепленном городе, как этот, они чувствовали себя в полной безопасности.

Он опустил глаза. Прямо от копыт его лошади до моря протянулась широкая полоска зеленой травы - как маленький кусочек настоящих степей. Идеальное место для атаки кавалерии. Если, конечно, солдаты ката настолько глупы, что выйдут из-под защиты стен.

Город стоял прямо в конце этого длинного травяного языка, который вдавался в море, отрезая небольшой залив. Эта великолепная естественная гавань была соединена с морем узким проливом, который теперь был перекрыт огромной цепью, которая тянулась от городских стен до прибрежных скал, сверкая на солнце. Скалы окружали внутреннюю бухту со всех сторон, тянулись вдоль пролива, извиваясь вокруг городских стен, так что этот непотопляемый остров можно было атаковать только в лоб - по зеленой травянистой полоске. Но тут у нападавших возникали серьезные проблемы: сначала - широкий ров, усеянный заостренными кольями, за которым следовал, казалось бы, безобидный глубокий ров заполненный водой, его дальний край заканчивался каменной стеной. Именно здесь скрывалась дьявольски хитрая ловушка, которую Роман почти пропустил. Ров от моря отделяла стена, и, присмотревшись, он заметил две пары мощных шлюзовых ворот, которые находились значительно ниже уровня воды. Если открыть их одновременно, враги будут сметены потоком воды

Закончив с городом, Роман приступил к осмотру гавани. И тут Монгов не ожидало ничего хорошего - гавань была полна боевых кораблей разных типов и размеров, от небольшого катера до гигантских галер.

Хан и его воеводы смотрели на город почти час. Рустам, жестикулируя, что то с энтузиазмом, говорил Всевышнему, а Сада постоянно кружа вокруг них, старалась, не пропустить ни слова.

Мы должны быть готовы, сказала она, приближаясь к разведчику. Я знаю моего брата. Болезнь уже возвращается в его тело, я это ясно вижу. Захватив город, он устроит такой праздник, что во всей армии не будет ни одного трезвого воина. Именно тогда нам нужно ударить.

Он закрыл глаза, чтобы не раскрыть своего волнения, и осторожно сказал:

- Я готов, моя принцесса. Я все помню и буду делать, как ты скажешь.

Это означало, что он должен был избавиться от Морфо - как только тот убьет Всемогущего Маньяка, Поддержку Мира и Шейкера Вселенной. Роман понимала, что вмешательство Рустама обречет план Сады на провал, но почему она так уверена в преданности гнома? Не в дочери ли причина?

Сада положила руку ему на бедро и прошептала:

-Теперь я открою тебе еще один секрет, и ты увидишь, как все продуманно. Перед битвой я попрошу Кхана дать тебе свободу. Брат спросит о причине, и я скажу ему правду, точнее, часть правды. Я скажу, что влюблена в тебя и готова стать твоей женой. Он разозлится, но я надеюсь уговорить его, - ухмыльнулся Сада. - В истории нашей династии, были такие случаи.

Роман внимательно смотрел на ее лицо. Плотная вуаль, которую Сада всегда надевала, выходя из палатки, не помешала ему угадать тончайшие нюансы ее настроения. Сада наклонилась и осторожно похлопала плеткой по кожаному голенищу его сапога, ее глаза взволнованно искрились.

- Я пока не буду говорить с ним о ребенке. Но если брат разрешит брак, то, по закону Монгов, мой ребенок станет настоящим принцем или принцессой. Когда Хан умрет, я буду править ... а ты, мой муж, сядешь слева от трона. И у нас будет много детей - великих воинов, завоевателей, которых еще не видел этот свет!

Роман был очень удивлен ее искренней заботой о судьбе их возможного потомства. Он думал, что Сада слишком эгоистична, чтобы думать о ком-либо, кроме себя.

Хан приказал отправить посланника в город с требованием немедленной капитуляции. Если защитники согласятся добровольно и сложат оружие, Опора Мира пообещал оставить их жизни, которые, конечно, в этом случае будут принадлежать ему.

Монги снова начал движение, приближаясь к городу, как унылая серая приливная волна, покрывая всю зеленую равнину перед стенами. Палатки были развернуты, между ними весело разгорелись костры, редких лошадей отправили на степные пастбища. Воины с шутками и смехом начали чистить оружие и поправлять броню. После тяжелого похода они жаждали только одного: пустить кровь из этого процветающего, сытого и богатого города. Возможно, никто, кроме Романа и, возможно, Рустама, не сомневался в легкой и быстрой победе.

В ожидании возвращения посланника Кхан устроил небольшой праздник, на который был приглашен Роман. Стараясь держаться в тени, он внимательно наблюдал за поведением своего одержимого демонами государя. Кхан много шутил и часто опрокидывал в себя в кувшин с бросом, что само по себе не могло считаться безумием, однако разведчик понял, что Сада не ошибается. Смех Всмогущего звучал неестественно, пронзительные истерические ноты все больше и больше звучали в его голосе. Он требовал, чтобы его постоянно развлекали - танцовщицы, акробаты и, конечно, Морфо; Шут выступал со своими любимыми трюками. В глазах изумленных зрителей большая спелая дыня начала умолять Хана попробовать ее.

Хан был в восторге от этой шутки, и Сада решила, что пришло время поговорить с ним о ее деле. Пытаясь снять внутреннее напряжение, Роман начал пробираться к трону еще до того, как узловатый скрюченный палец поманил его.

Он подошел к помосту и величественно поклонился. Несмотря на волнение, он выглядел совершенно спокойным - могучий воин в блестящих стальных накладках кожаных доспехов - с огромным двуручным мечом на поясе.

Выпрямив спину, Роман без волнения встретил взгляд Сотрясателя Вселенной.

- Ты звал меня, Господин? Я готов служить тебе.

Единственный глаз Хана вспыхнул, и он зашелся истерическим хриплым смехом.

- Правда, Гилев? Я думал, ты служишь моей сестре! Ну, что скажешь? Кстати, как она тебе в постели?

Ненависть и ревность горели в этом безумном глазе. Гилев почувствовал, как земля уходит из-под его ног.

-У меня нет претензий по этому поводу, - снова поклонился он.

Все изумленно смолкли, и даже Рустам уставился в недоумении. Только Морфо, не мог удивиться, продолжал равнодушно катать свои красочные шарики в руках. Хан растянулся на троне, пытаясь заглянуть в лицо Романа, но внезапно откинул голову и громко рассмеялся. Он подпрыгивал на троне, хохоча снова и снова:

- У него нет жалоб! Представьте себе - ему не на что жаловаться! Я доволен! Я очень счастлив!

Остальные робко присоединились к его дикому веселью, но Хан восстановил тишину взмахом руки.

- Тихо! Я хочу, чтобы все услышали! Моя сестра просит освободить этого человека. Что вы думаете об этом?

Послышались удивленные крики. Никто ничего не думал, потому что Хан еще не высказал свое мнение.

Кхан снова поднял руку.

-Но моя сестра просит больше ... намного больше! Сказать о чем?

Всемогущий, как давно заметил Роман, умел хорошо пробудить интерес толпы и очень умело вел такие разговоры. Но если не считать первые дни в стране Монгов, Роман еще, ни разу не попадал ему на язык. Хан подождал, пока отдельные крики и хихиканье стихли, а затем громко объявил:

- Она хочет выйти за него замуж!

Морфо и Рустам в шоке смотрели друг на друга, затем их лица застыли в мрачном спокойствии.

-Я дам свое согласие на эту свадьбу, - глаз Хана наполнился кровью - я освобожу его. Но только после того, как город будет взят! А ты, - со зверской усмешкой, он ткнул пальцем в лицо будущему зятю, - ты должен первым подняться на стену. Это очень важный тест, я не могу позволить, кому попало жениться на моей любимой сестре, принцессе монгов!

Роман коротко кивнул.

- Я постараюсь не разочаровать вас, мой лорд.

Хан зарычал и повернулся к своей сестре.

- Постарайся не разочаровать ее! Завтра мы увидим, действительно ли ты великий воин или по ошибке одержали победу над Косой!

Рустам поднялся.

-Очень мудрое решение, - сказал он, не глядя на Романа. - Я доверю ему одно из лучших подразделений, и в бою он будет моей правой рукой. Я устрою ему хорошую проверку, мой государь.

Роман не сомневался, что Хан Тамур попытается его убить.

Сада, которая ни как не ожидала такого поворота, отчаянно пытался исправить ситуацию:

-Ты забыл одну вещь, дорогой брат, - щебетала она шелковистым голосом.

- Что я забыл? огрызнулся Хан.

-Выкуп, господин мой. Кто заплатит за мертвеца?

Хан хлопнул себя по колену и засмеялся.

-Зачем мне выкуп, если я и так скоро буду править этой страной? Сестра: взяв тебя в жены, он станет моим близким родственником. Могу ли я продать родственника?

Его логика была безупречна.

Внезапно воин появился в палатке, волоча на своих плечах грязную, залитую кровью тряпку.

Хан удивленно поднял голову.

- Что ты здесь делаешь? Я приказал никого не пускать, кроме гонца. Где он?

Воин пошевелил плечами, и кровавый мешок тяжело упал на землю.

-Ваш посланник прибыл, о господин, - хрипло сказал он. - Скорее, то, что от него осталось.

Хан, разинув рот, смотрел на останки своего гонца. Затем его налитый кровью глаз закатился, язык выпал. Повелитель вселенной обеими руками сжал руками подлокотники трона и покачал головой, на его губах появилась пена. Роман внимательно следил за приступом; У Хана, была эпилепсия. Всемогуший, сполз на узорчатый коврик, перед троном, и начал кататься по нему, издавая ужасные звуки. Затем он перестал кричать, схватил зубами край ковра и, как дикий зверь, начал рвать его в клочья. Морфо проскользнул мимо Гилева, сжимая маленькую деревянную дощечку со следами зубов.

Гном осторожно положил дощечку Хану в рот. Одновременно с ним к трону подбежали четыре огромных черных раба. Они положили Всевышнего на носилки и выбежали из палатки.

Да, город теперь, ни что не пощадит, понял Роман.